

А. С. Шапиро

**ПРЕОДОЛЕВАЯ СОВЕТСКОЕ НАСЛЕДИЕ:
«МЕСТА ПАМЯТИ» ЕВРЕЕВ В ГОРОДСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ УКРАИНЫ
(НА ПРИМЕРЕ ИСТОРИЧЕСКИХ МУЗЕЕВ И МЕМОРИАЛОВ ПАМЯТИ
ЖЕРТВАМ ХОЛОКОСТА)**

Одним из странных знаков советскости в городской среде современной Украины оказывается мемориальная политика. В большинстве случаев места памяти остаются столь же прямолинейными в идеологическом смысле, как и в советское время. Правильным признаётся увековечение памяти только феноменов, напрямую связанных с основной идеологической линией, организующей социум. Если в советское время достойным увековечения признавались только события, демонстрировавшие подвиг советского народа в целом (на фоне деятельности которого жизнь отдельных народов и индивидов представляется второстепенной), то в постсоветский период увековечению подлежит подвиг или утрата украинского народа в разных его проявлениях. Не столь важны при этом региональные различия, демонстрирующие разный набор героев или жертв. Важен подход — подвиг титульной социальной общности. Политика памяти оказывается по-советски одномерна, лишена нюансировки культурного разнообразия, без которой история Украины остаётся выхолощенной.

Нам бы хотелось проиллюстрировать это утверждение экскурсом в один из частных случаев политики памяти в современной Украине — память о Холокосте. Именно этот пример, возможно, наиболее ясно демонстрирует общую направленность постсоветской политики памяти. Здесь региональные различия не действуют — одномерная советская схема воплощена в разных регионах с одинаковым успехом.

Напомним, что доля еврейского населения на территории Украины всегда была очень заметной. Мощные центры еврейской культуры существовали как в Западной Украине и так называемой «черте оседлости», так и в наиболее значимых для Украины городах, как, например, Киев или Одесса. Это были не отдельные «вкрапления», а полноценная, активная, «имиджеобразующая» часть населения. Поэтому логично было бы ожидать, что события, связанные с историей евреев Украины, должны стать частью политики памяти украинского государства. Однако, история евреев оказывается исключенной из коммеморативных практик, так же как память о Холокосте оказывается полностью выведенной из меморализации событий Великой отечественной войны.

В рамках исследования «Украинское общество и память про Холокост: попытка анализа некоторых аспектов» А. Подольский характеризовал состояние украинской историографии как монокультурное и моноэтническое, откуда искусственно удаляется еврейская история как ее составляющая [6, с. 51]. Подробно анализируя отображение катастрофы европейского еврейства в украинской историографии, автор прослеживает тенденцию исключения из истории Украины образа еврея как «Другого», а также наличествующее стереотипное видение в этом образе не только «Другого», а исключительно «Чужого». В свою очередь, это видение проецируется на модель исторической памяти прошлого украинского социума, которая перестает включать события, которые происходили на территории Украины и касались еврейского населения как события национальной истории.

Несмотря на то, что за годы независимости «история кровавых земель» [10] была описана как в исторических трудах [4], так и в книгах памяти, она не стала частью национального нарратива. Еврейская история продолжает оставаться маргинальной темой для украинского общества. К сожалению, эта тенденция не ограничивается исключительно историографией.

Начиная с первого в УССР проекта создания мемориала жертвам самого крупного в Восточной Европе расстрела, расстрела в Бабьем Яру, и по сегодняшний день, продолжает прослеживаться преимущественно советская концепция исключения еврейской составляющей из городского пространства в таких «местах памяти» (*lieux de mémoire*) как исторические музеи и мемориалы памяти жертвам Холокоста.

Музеи истории евреев

В советский период в Украине не могло существовать музеев, специально посвященных еврейской культуре и истории. Можно вспомнить лишь одну из немногих попыток создания подобного пространства памяти — Всеукраинский музей еврейской культуры имени Менделе Мойхер-Сфорима, который существовал в Одессе в короткий промежуток времени между 1928 и 1936 гг. и 1940-1941 гг., и в итоге был ликвидирован [9]. В то же самое время бывшие экспонаты, такие как многочисленные документы, фотографии, книги, газеты, открытки, банкноты, архитектурные проекты, религиозные и бытовые предметы, музыкальные и ремесленные инструменты, произведения искусства, т.е. все, что составляло пространство обжитого мира трети (Sic!) населения города, не были представлены в экспозициях Одесского государственного историко-краеведческого музея как в со-

ветское, так и в постсоветское время. Таким образом, еврейское население городов не было представлено в экспозициях советских музеев.

Казалось бы, после обретения Украиной независимости положение должно было измениться. Однако, на настоящий момент существуют лишь пять музеев в наиболее крупных городах, где процентное соотношение еврейского населения всегда было велико.

Первому музею истории евреев суждено было открыться в Одессе — это открытый в ноябре 2002 года *музей истории евреев Одессы «Мигдаль-Шорашим»* [8]. Инициатива создания музея принадлежит еврейскому общинному центру «Мигдаль». Толчком к созданию музея стал вышеупомянутый факт полного отсутствия в экспозициях одесских государственных музеев экспонатов, связанных с одесскими евреями. И это при том, что «во второй половине XIX — первой четверти XX вв. Одесса была третьим в мире городом по количеству еврейского населения (после Нью-Йорка и Варшавы)» [8]. В указанный период в Одессе жили и активно работали еврейские писатели и поэты (М. Мойхер-Сфорим, Х. Бялик, Ш. Черниховский), деятели движения еврейского Просвещения «Хаскала», историки (Ш.Дубнов, И.-Г. Клаузнер), предтечи сионистского движения (М. Лилиенблюм и Л. Пинскер), сионисты (В. (Зеев) Жаботинский, А. Гинцбург (Ахад-га-Ам), М. Усышкин, М. Дизенгоф), деятельность которых играла первостепенное значение не только для еврейской части города, но и для тогда еще Российской империи и ново созданной Советской Республики. Еврейское население города составляло от 34% до 44% в 1912 и 1920 гг. соответственно.

Негосударственный музей истории евреев «Мигдаль-Шорашим» частично воссоздаёт экспозицию Всеукраинского музея еврейской культуры имени Менделе Мойхер-Сфорима. Музей представляет собой небольшое пространство в современной городской среде. В отличие от расположенного напротив современного многофункционального комплекса «Еврейский культурный центр», музей является неотъемлемой частью старого архитектурного ансамбля. Расположенный в глубине двора и не видимый с фасада дома, он позиционируется как автохтонный элемент городского пространства. Директора музея М. Рашковецкий неоднократно подчеркивал, что помимо пяти экспозиционных залов музея, каждый из которых представляет отдельный период истории одесских евреев, сам двор с его колодцем, веревками для постиранного белья и котами, является шестой экспозицией музея — тем самым легендарным «одесским двориком», когда-то описанным И. Бабелем.

И если музей истории евреев, отражающий быт и традиции еврейской общины Одессы, хоть и на крайне короткий срок, мог существовать в советский период, еще до недавнего времени открытие отдельного музея памяти жертв Катастрофы было невозможно.

На данный момент, помимо музея истории евреев «Мигдаль-Шорашим» в Одессе функционирует «Музей Холокоста — жертв фашизма», созданный 22 июня 2009 г. в соответствии с решением Совета Одесской региональной ассоциацией евреев — бывших узников гетто и нацистских концлагерей [3]. Создатели музея определили свои цели следующим образом: *«Главная задача музея состоит в том, чтобы собрать, сохранить и донести до будущих поколений историю об этой беспрецедентной трагедии; сохранить память о тех, кто страдал; и воспитать новое поколение молодых людей, которые смогут в XX в. противостоять фашизму»* [3].

Открытие еще одного знакового музея истории евреев, *Черновицкого музея истории и культуры евреев Буковины*, было приурочено к столетию первой международной Черновицкой конференции по языку идиш (1908). Этот проект, который концептуально не имеет прямого отношения к истории украинского еврейства, так как задуман не как очередной музейный проект о еврейском народе в целом или жизни еврейского населения Буковины, а нацелен на освещение особого локального еврейского субэтноса — *буковинского еврейства*, был немислим при советской власти с ее антисемитской направленностью политики.

Здесь, на примере этого крохотного музея, чьи экспонаты занимают всего 2 комнаты, во всей полноте открывается проблема отношения и репрезентации истории еврейского народа, проживающего на украинской территории, и ее значение для современной Украины. Если отталкиваться от концептуальной направленности музея, который отчетливо демонстрирует, что он представляет *«уникальный колорит жизни местной еврейской общины в Буковинском крае в период последней четверти XVIII — первой половины XX в.»* [7], т.е. исключительно тот период, когда эта территория принадлежала Австро-Венгерской империи и Румынскому королевству, и лишь после II Мировой войны просто была присоединена к Украинской ССР, тогда и вправду получается, что еврейская история не имеет никакого отношения к истории Украины, что и требовалось доказать.

Но если мы возьмем в качестве примеров музей *«Память еврейского народа и Холокост в Украине»*, расположенный в Кривом Роге (открыт в 2010 г.), или *«Музей культуры еврейского народа и истории Холокоста»* в Днепропетровске (открыт в 2012 г.), которые наиболее масштабно отображают жизнь и историю еврейской общин в «черте оседлости» бывшей Российской империи, оказывается, что их история общин тесно вплетена в историю региона и поэтому связана с украинской историей.

Как и одесский музей, эти проекты нацелены на разрыв негласно существующей связки где еврей — это «Чужой». Однако здесь следует помнить, что все проекты являются

негосударственными и спонсируются инвесторами и меценатами из Украины и из-за рубежа.

На данный момент в Украине функционирует лишь один государственный музей еврейской тематики — это музей Шолом-Алейхема в Киеве, посвященный выдающемуся писателю, драматургу и публицисту Соломону Рабиновичу, который вошел в историю мировой литературы под псевдонимом «Шолом-Алейхем».

Приуроченный к 150-летию писателя, музей был открыт в марте 2009 года в помещении торгово-развлекательного комплекса «Арена-Сити». Отчасти неуместное расположение музея, которое теряется на фоне расположенных рядом торговых центров, объясняется организаторами тем фактом, что на этом месте существовал дом середины XIX века, построенный по проекту выдающегося киевского архитектора В. Николаева, в котором на протяжении нескольких лет жил и работал Шолом-Алейхем. Среди постоянных экспозиций музея экспонаты, посвященные не только творчеству великого писателя-идишиста, но и материалы духовной культуры восточноевропейского еврейства.

Даже поверхностный взгляд на место еврейской истории в политике памяти Украины показывает маргинальность еврейской темы в коммеморативном дискурсе в целом.

Проблема мемориалов

Первым столкновением официальной советской политики памяти о Холокосте и индивидуальной памяти жертв и свидетелей тех страшных событий стал вопрос об открытии мемориала в Бабьем Яру. На этом месте, между 1941 и 1943 проходили массовые расстрелы населения, началом которым послужил расстрел евреев 29-30 октября 1941 г. Согласно официальным отчетам зондеркоманд, в течение этих двух дней было уничтожено 33770 евреев [4, с. 3 – 40]. Продолжающиеся в течение двух лет расстрелы, унесли еще более 120 тыс. еврейского населения города [4]. Однако действующий негласный запрет на проведение любых видов деятельности, связанных с увековечиванием памяти жертв, в том числе и возведение монумента, вызвал протест, вследствие чего в Киеве были организованы стихийные массовые митинги. И лишь спустя десятилетие, благодаря общественному давлению в 1976 г. со сдвигом на 3 км от мест расстрелов был сооружен бронзовый монумент *«Советским гражданам и военнопленным солдатам и офицерам Советской Армии, расстрелянным немецкими фашистами в Бабьем Яру»* и мемориальная плита: *«Здесь в 1941-43 гг. немецко-фашистскими захватчиками были расстреляны более ста тысяч граждан*

Киева и военнопленных» [5, с. 19], которые как нельзя лучше отвечали официальной политике памяти.

И если вполне понятно, почему в советский период при возведении памятника «Советским гражданам» исключалась еврейская составляющая Трагедии, то остается открытым вопрос о ее замалчивание в наше время. Так в постсоветской Украине продолжает действовать та же парадигма мемориальной памяти, вытесняющая евреев из национального дискурса. Примером этому может послужить мемориальная доска, установленная в Одессе на Александровском проспекте в самом центре города, надпись на которой гласит: *«Здесь 24 – 25 октября, как и на других улицах, фашисты повесили группу мирных граждан — одесситов, взятых в заложники после взрыва партизанами и красноармейцами комендатуры на улицах Маразлиевской. Вечная память погибшим»*. При этом достоверно известно, что в течение нескольких дней (24 – 25 октября 1941 г.) из-за крупномасштабного партизанского рейда румынского командование приняло постановление о расстреле преимущественно еврейского населения города в наказание за совершенное преступление [4, с.49 – 50]. Всего за два дня погибли около 40 тыс. евреев, часть из которых затем была повешена вдоль указанного проспекта как поучительный пример за неповиновение новой власти оккупантов. Здесь очевидно преобладающее стремление современной власти продолжать не видеть еврейскую составляющую Трагедии.

Еще одним свидетельством продолжающегося безразличия к памяти жертв Катастрофы может служить экспедиционная деятельность французского священника, о. Патрика Декомба, который начиная с 2002 года проводит идентификацию и экспертизу всех мест уничтожения евреев, которые осуществлялись мобильными нацистскими подразделениями в Западной и восточной части Украины. Тот факт, что за 10 лет деятельности основанного им фонда «*Яхад Ин-Унум*» (Yahad – In Unum) [1] было обнаружено более 600 ранее неизвестных мест расстрелов не только в селах, но и в небольших городах где отсутствовало любое указание на происходившие там зверства, в который раз наглядно показывает о преобладающем нежелании включить в пространство городской среды любой, в том числе и трагической, памяти о еврейской части населения. Эта тенденция, берущая свои истоки в советском прошлом, устраняется лишь «снизу», благодаря как стараниям самих еврейских общин, так и деятельности зарубежных фондов, но никак не украинского общества.

В этой связи хотелось бы вспомнить отрывок из повести «Украина без евреев» Василия Гроссмана, который, будучи военным журналистом, запечатлел боль утраты. *«Нет евреев на Украине. Всюду, ..., во всех городах и в сотнях местечек, в ячах сел ты не встре-*

тишь черных заплаканных девичьих глаз, не услышишь грустного голоса старушки — не увидишь смуглого личика голодного ребенка. Безмолвие. Тишина. Народ злодейски убит. ... Все убиты, много сотен тысяч — миллион евреев на Украине. Это не смерть на войне с оружием в руках. Это — смерть людей, где-то оставивших дом, семью, поле, песни, книги, традиции, историю. Это убийство народа, убийство дома, семьи, книги, веры. Это убийство древа жизни, это смерть корней, не только ветвей и листьев. Это убийство души и тела народа.... Это убийство народной морали, традиций, веселых народных преданий, переходящих от дедов к внукам. Это убийство воспоминаний и грустных песен, народной поэзии о веселой и горькой жизни. Это разрушение домашних гнезд и кладбищ. Это уничтожение народа, который столетиями жил по соседству с украинским народом, вместе с ним трудился, деля радость и горе на одной и той же земле. ...

Где сотни тысяч евреев, стариков и детей? Куда девался миллион людей, которые три года назад мирно жили вместе с украинцами, жили и трудились на этой земле?

... В каждом большом и маленьком городе, в каждом местечке — всюду была резня. Если в местечке жило сто евреев, то убили сто, все сто и не меньше; если в большом городе жило пятьдесят пять тысяч, то убили пятьдесят пять тысяч, и ни одним человеком меньше.... В эти списки смерти были внесены все евреи, которых немцы встретили на Украине, — все до одного» [2].

Именно обращение к проблемам коммеморации позволяет выявить некоторые особенности развития постсоветских обществ, не обнаруживаемые при другом ракурсе видения проблемы. Проблема музеификации и мемориализации значимых для национальной идентичности моментов обнаруживает незаметную в другой оптике преемственность между советским и постсоветским обществами. Отсюда, знаками советскости в постсоветском пространстве оказываются отсутствующие места памяти, связанные с народами, признанными маргинальными для общенационального проекта.

Список литературы и источников

1. Біль пам'яті: навчально-методичний посібник до виставки «Голокост від куль: масовий розстріл євреїв в Україні у 1941–1944 рр.» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://sf.usc.edu/_OLD_SITE_2013/cms/files/global/Preface.pdf (дата обращения 23.10.2013)
2. Гроссман В. С. На еврейские темы: избранное в двух томах. Том 2. — Иерусалим: Изд. Библиотека-Алия, 1990. — С. 335 – 338.

3. История открытия музея Холокоста — жертв фашизма. — Режим доступа: <http://www.holocaust-odessa.org/istoriya-otkrytiya-muzeya/> (дата обращения 20.10.2013).
4. Круглов А. И. Хроника Холокоста в Украине. — Днепропетровск: Центр «Ткума», Запорожье: Премьер, 2004. — 208 с.
5. Мицель М. Запрет на увековечивание памяти как способ замалчивания Холокоста: практика КПУ в отношении Бабьего Яра // Голокост і сучасність. 2007. № 1(2). — С. 9 – 30.
6. Подольский А. Українське суспільство та пам'ять про Голокост: спроба аналізу деяких аспектів // Голокост і сучасність. 2009. № 1 (5). — С. 47 – 59.
7. Про Черновицкий музей истории и культуры евреев Буковины. — Режим доступа: <http://muzejew.org.ua/Koncept-Rus.html> (дата обращения 22.10.2013).
8. Рашковецкий М. Еврейский музей Одессы [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.migdal.ru/migdal/museum/> (дата обращения 20.10.2013).
9. Рашковецкий М. Только ли прошлое? // Мигдаль Times. 2007. № 84 – 85. — С. 2 – 5. URL:: <http://www.migdal.ru/times/84/14898/> (дата обращения 20.10.2013).
10. Сайт музея истории и культуры евреев Буковины. — Режим доступа: <http://muzejew.org.ua/> (дата обращения 22.10.2013).
11. Snyder T. Bloodlands: Europe between Hitler and Stalin. — N.Y.: Basic Books, 2010. — 524p.